

СЕКРЕТНО

ОТДЕЛ

ДЕЛО №

231704

17 ноября 1943 г.

НЕОБЪЯСНИМЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ

ПРОСПЕКТ МИРА

КРАСНЫЕ ВОРОТА

ЧИСТЫЕ ПРУДЫ

ЛУБЯНКА

СРЕТЕНКА

СУХАРЕВСКАЯ

55°45'N

37°37'E

3:17

СЕКРЕТНО
ХРАНИТЬ ВЕЧНО

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ

Экз. № 1

ПРОЕКТ «МЕРИДИАН»
ДОКУМЕНТЫ ОСОБОЙ ВАЖНОСТИ

Никита Якунин

Отдел необъяснимых происшествий

<https://litres.ru/74315134>

SelfPub; 2026

Аннотация

Человек, погибший в 1943 году, появляется в ночном московском метро — и умирает всего несколько часов спустя.

Расследуя невозможное происшествие, следователь Алексей Воронцов выходит на засекреченный проект «Меридиан» и загадочный Отдел необъяснимых происшествий. Но дело неожиданно становится личным: с тем же проектом связано исчезновение его отца двадцать лет назад.

Вскоре в Москве начинают появляться места и люди, которых здесь не должно существовать. Прошлое словно возвращается — но Воронцов понимает, что всё гораздо опаснее.

«Меридиан» не переносит людей во времени.

Он заставляет реальность становиться такой, какой человек сильнее всего хочет её увидеть.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Никита Якунин

Отдел необъяснимых происшествий

Глава 1

Последний поезд

В половине первого ночи метро уже начинало пустеть. На «Проспекте Мира» пахло влажным камнем, железом и холодным воздухом из тоннеля. Дежурная по станции Тамара Гавриловна считала минуты до смены и слушала, как в служебной комнате потрескивает радиоточка.

Последний состав пришёл почти пустым. Из третьего вагона вышли двое: мужчина с портфелем и женщина в белом платке. Двери закрылись. Поезд ушёл.

После ухода последнего поезда станция уже не казалась Тамаре Гавриловне пустой. Щелчок реле, далёкий скрежет колёс и короткий треск связи теперь заставляли её смотреть в тоннель. Она знала эти звуки много лет, но впервые каждый из них казался предупреждением о том, что происшествие ещё не закончилось.

Тамара Гавриловна посмотрела на часы. 00:43.

Через минуту из тоннеля донёсся резкий сигнал.

Сначала она решила, что машинист заметил человека на путях. Такое случилось. Редко, но случилось. По внутренней связи попросили перекрыть платформу.

Запах тормозной пыли и сырого камня никуда не исчез, и от этого происходящее выглядело ещё неправильнее. Всё вокруг оставалось узнаваемым, бытовым, рассчитанным на тысячи пассажиров, а в нескольких метрах от них уже существовал факт, который не помещался ни в одну нормальную версию.

Машинист пришёл сам, бледный и злой.

— Мужчина стоял между рельсами, — сказал он. — Я его видел. В форме. Я затормозил, но поздно.

— Тело?

— Нет тела.

— Как это нет?

— Вот так. Проехал через него.

Тамара Гавриловна не любила людей, которые говорили глупости уверенным голосом. Она уже собиралась позвать старшего смены, когда заметила мужчину на дальней скамейке.

Он сидел, опустив голову.

На нём была гимнастёрка без шинели, сапоги, тёмные галфе. На коленях лежала пилотка.

Тамара Гавриловна не подходила к краю. Она проверила служебные двери, посмотрела, не осталось ли кого на платформе, и снова перевела взгляд на сидящего мужчину. До

приезда милиции ей оставалось только удерживать место закрытым и запоминать всё, что происходило вокруг него.

— Это он, — прошептал машинист.

Они подошли не сразу. Мужчина не двигался. Лицо было серым, губы посинели. Правая рука сжимала картонный прямоугольник.

Тамара Гавриловна коснулась его плеча.

Тело качнулось и осталось сидеть.

Картонка выпала на пол.

Билет.

Не метрополитена.

На выцветшей бумаге можно было разобрать: «Народный комиссариат путей сообщения». Ниже стояла дата.

17 ноября 1943 года.

Через двадцать минут станцию закрыли.

Через сорок приехала милиция.

А в 02:11 капитан Алексей Сергеевич Воронцов увидел мёртвого впервые.

Он присел перед скамейкой и долго смотрел не на лицо, а на сапоги. Старые, стоптанные, с засохшей светлой глиной на подошвах.

Пахло всё тем же сыроватым камнем и тормозной пылью. Именно эта обычность делала случившееся хуже: плитка, рельсы, лавки были рассчитаны на самый понятный городской порядок, а рядом находилось нечто, для чего в этом порядке не было даже подходящего объяснения.

— Откуда форма? — спросил он.

Судебный врач пожал плечами.

— Если театральная, хорошая.

Воронцов взял пакет с найденными вещами. Ложка. Складной нож. Три рубля мелочью. Спичечный коробок. Удостоверение на имя Ивана Петровича Соколова, 1912 года рождения.

Фотография почти стёрлась, но лицо совпадало.

Воронцов прошёл вдоль края платформы медленно, отмечая расстояния и положение служебных дверей. Он заставлял себя работать так, будто перед ним обычное место происшествия. Если неизвестное явление действительно подчинялось каким-то правилам, искать эти правила следовало тем же способом: последовательность, следы, свидетели.

— Когда умер?

— Вот это тебе не понравится.

— Мне редко нравится то, что ты говоришь ночью.

Врач снял очки.

— Несколько часов назад.

Воронцов снова посмотрел на форму.

— А билет?

— Бумаге лет сорок. Может, больше.

С противоположной стороны платформы техник позвал их к стене.

На белой плитке кто-то провёл пальцем по пыли.

Пустота станции изменилась. Щелчок реле, далёкий скре-

жет колёс, треск связи больше не были просто техническим фоном: каждый звук обещал продолжение. Воронцов замечал, что поворачивается к тоннелю раньше, чем успевает решить, зачем это делает, и эта реакция раздражала его сильнее самого шума.

Три цифры:

3:17.

— Наш? — спросил Воронцов.

— Нет. Было до нас.

Он наклонился ближе. След был влажным.

В тоннеле погас один из фонарей.

Потом второй.

Потом третий.

Темнота двигалась к платформе последовательно, будто кто-то шёл вдоль кабеля и выключал свет рукой.

Воронцов выпрямился.

— Электрика сюда.

Последний фонарь погас.

На секунду станция исчезла.

В темноте кто-то сказал совсем рядом:

— Опоздали.

Свет вернулся.

Рядом никого не было.

Глава 2. Человек из прошлого

К семи утра Воронцов уже ненавидел Соколова.

Не самого покойника. Его бумаги.

Документы были слишком хорошими для подделки и слишком плохими для нормального объяснения. Удостоверение пропахло сыростью, чернила выцвели, на сгибах бумага стала мягкой. Эксперт подтвердил: типографская краска соответствует военному времени. Печать тоже.

— Можно состарить, — сказал Воронцов.

— Можно, — согласился эксперт. — Но зачем состаривать каждый слой по-разному? И где ты возьмёшь такую бумагу в нужном количестве?

— В архиве.

— Тогда проще было украсть настоящее удостоверение.

Воронцов не любил вопросы, которые звучали разумнее его версии.

За дверью продолжалась работа отдела: звонили телефоны, требовали подпись, спорили из-за машины. Воронцов слушал этот шум как проверку масштаба случившегося. Пока люди ругались о бензине и дежурствах, история Соколова оставалась делом, которое можно было разложить на документы, свидетелей и ошибки, а не поводом придумывать объяснение раньше времени.

Он вернулся в кабинет и поставил на плитку чайник. За окном серело. Москва просыпалась без всякого интереса к мертвецу из сорок третьего года.

Сотрудник архива принёс тонкую папку.

— Соколов Иван Петрович. Есть такой.

— Жив?

Архивист посмотрел на него странно.

— Был.

В карточке значилось: родился в Рязани, инженер-механик, призван в 1941-м. В ноябре 1943 года прикомандирован к специальному объекту Народного комиссариата обороны. Дальше несколько строк были закрыты позднейшей вклейкой.

Сорок третий год в отчётах был сухим: номера приказов, смены, мощности, фамилии. Но за каждой строкой стояли люди, работавшие в городе с затемнёнными окнами и воздушными тревогами. Их готовность рисковать становилась понятнее, хотя последствия от этого не становились меньше.

Внизу стояло: «Погиб при исполнении служебных обязанностей 17.11.43».

Воронцов перечитал дважды.

— Место захоронения?

— Нет.

— Родственники?

— Жена умерла в пятьдесят девятом. Детей не было.

— Фотография?

Архивист протянул копию личного листка.

Молодой мужчина смотрел в объектив с привычной для старых снимков серьёзностью.

Воронцов записал главное отдельной строкой. Он давно заметил, что устный разговор легко меняет смысл уже че-

рез несколько часов, особенно если собеседники напуганы или слишком заинтересованы в определённой версии. Бумага не гарантировала правды, зато заставляла человека однажды выбрать точные слова.

Это был тот же человек.

Без сомнений.

Воронцов сложил листы и закурил у окна, хотя обещал себе не курить до обеда.

В девять появился начальник.

— Алексей, дело по метро передаёшь.

— Кому?

— Пришло распоряжение.

— От кого?

— Сверху.

— С какого именно верха?

Начальник раздражённо потёр переносицу.

— Не начинай.

— У меня неопознанный труп, подлинные документы человека, умершего сорок лет назад, свидетель, утверждающий, что поезд прошёл через него, и надпись на стене. Я хотя бы хочу знать, кому отдаю.

— Сейчас узнаешь.

В кабинет вошли двое.

Первый, высокий седой полковник, снял пальто и аккуратно повесил на спинку стула. Второй был лет тридцати восьми, широкоплечий, с лицом человека, которого трудно

удивить и легко разозлить.

Полковник положил на стол удостоверение.

Воронцов успел прочитать фамилию: Громов.

Название подразделения было незнакомым.

— Полковник Виктор Сергеевич Громов, — сказал тот.

— Дело Соколова переходит к нам.

— На каком основании?

— На достаточном.

— Это не основание.

Широкоплечий чуть усмехнулся.

Громов не улыбнулся.

— Капитан, вы можете передать материалы сейчас. Или через десять минут после разговора вашего начальника с генерал-майором. Разницы нет.

Воронцов отодвинул папку от края стола.

— Тогда выбираю десять минут.

Громов посмотрел на него внимательнее.

— Как хотите.

Телефон зазвонил через три.

После разговора начальник вошёл красный и бросил Воронцову короткое:

— Передать всё.

Воронцов молча собрал материалы.

Когда Громов взял папку, Алексей спросил:

— Вы знали Соколова?

Полковник задержал руку.

Это длилось меньше секунды.

— Лично — нет.

Воронцов понял, что это не ответ на его вопрос. Полковник не солгал, но явно оставил себе лазейку.

Алексей записал отдельно: «Лично — нет».

И именно поэтому Алексей отпустил папку: теперь важнее было понять, что Громов так аккуратно обошёл.

На улице автобус остановился у перекрёстка, женщина несла сетку с продуктами, из форточки доносилось радио. Воронцов поймал себя на том, что проверяет не людей, а устойчивость деталей: тот ли маршрут на табличке, тот ли дом за остановкой, не изменилось ли что-нибудь, пока он выходил из управления. Привычка была нелепой и потому особенно раздражала.

Воронцов знал только одно: полковник соврал на простом вопросе. Значит, Соколов был для него не чужим покойником.

Глава 3. Невозможная экспертиза

На следующий день Воронцов явился в морг без приглашения.

Судебный врач Лев Борисович встретил его недовольным взглядом.

Самым трудным было не поверить увиденному, а правильно его описать. Слова вроде «призрак», «прошрое» или «двойник» слишком быстро подменяли наблюдение готовым

выводом. Поэтому Воронцов заставлял свидетелей возвращаться к простым вещам: где стояли, что услышали первым, сколько прошло времени, кто ещё это видел.

— Дело у тебя забрали.

— Труп пока здесь.

— Уже нет.

— Кто забрал?

— Те же люди.

Воронцов снял шапку.

— Что успел?

Лев Борисович помолчал, потом закрыл дверь.

— Я тебе этого не говорил.

— Конечно.

— Смерть от остановки сердца. Но сердце здоровое. Никаких ядов. Никаких травм. Желудок почти пустой. Сильное обезвоживание.

— И что странного?

— Волосы.

— Что с ними?

— Следы радиоактивного загрязнения.

Воронцов нахмурился.

— Сильного?

— Нет. Но характерного. И ещё на одежде нашли пыль. Бетон, слюда, металлическая стружка. Плюс споры грибка, который у нас в тоннелях не встречается.

— Где встречается?

— Эксперт говорит, в старых глубоких шахтах. Влажных, закрытых десятилетиями.

Воронцов вспомнил глину на сапогах.

— Ты сказал вчера, умер недавно.

— Да.

— Насколько недавно?

— Между десятью вечера и полуночью.

— То есть человек, официально погибший в сорок третьем, дожил до вчерашнего вечера и не постарел.

— Я этого не говорил.

— Но выходит так.

Лев Борисович снял перчатки.

— Выходит, что я хочу забыть это вскрытие.

На улице Воронцов постоял под мокрым снегом и решил сделать единственное, что оставалось нормальным: проверить биографию Соколова по гражданским архивам.

К обеду он нашёл адрес жены. Квартиру давно получила другая семья. Соседка помнила прежнюю хозяйку.

Мысль об отце появилась раньше, чем Воронцов успел её остановить. Сначала имя, потом короткая картинка из детства, затем желание немедленно связать её с происходящим. На этом месте он заставил себя вернуться к делу: личная память могла подсказать направление, но не заменить доказательство.

— Мария Соколова? Тихая была. Всё мужа ждала.

— После войны?

— До самой смерти.

— Ей сообщили, что он погиб?

— Сообщили. А она не верила.

— Почему?

Старуха задумалась.

— Письмо было.

— После гибели?

— Именно.

У Воронцова похолодели пальцы.

В гражданском архиве Воронцов нашёл не письмо, а журнал регистрации корреспонденции. В декабре 1943 года Мария Соколова действительно получила конверт без обратного адреса. Его зарегистрировали как воинскую почту, хотя полевая часть Соколова к тому времени уже числилась расформированной.

— Оригинал не сохранился? — спросил он.

Архивистка покачала головой.

— Если был у семьи, то нет. У нас только отметка.

Воронцов попросил копию страницы. Потом сверил дату с карточкой о гибели Соколова. Письмо пришло через девятнадцать дней после официальной смерти.

Это ещё не доказывало невозможного. Письмо мог написать сослуживец, дата могла быть ошибочной, конверт мог задержаться. Но появилось важное обстоятельство: Мария не выдумала ожидание мужа спустя годы. У неё была причина не поверить извещению.

Воронцов отметил для себя три обычные версии и решил проверить каждую. Лишь после этого он позволил себе записать четвёртую: Соколов сам отправил письмо после собственной смерти по документам.

Он перечитал копию и выписал только то, что можно было проверить отдельно: дату регистрации, номер отделения, расформированную часть, подпись дежурного. Самого письма не было, значит, содержание пока оставалось семейным преданием. Но дата существовала независимо от памяти соседки — и именно этого хватало, чтобы продолжать.

— Где оно?

— Да кто знает. Сорок лет прошло.

Он уже собрался уходить, когда старуха сказала:

— Она всё повторяла одну фразу. Странную.

— Какую?

— «Ваня не умер. Ваня опоздал».

Воронцов повернулся.

— Опоздал куда?

— А этого она не говорила.

Вечером у подъезда его ждали.

Широкоплечий мужчина от Громова стоял возле серой «Волги».

— Капитан Воронцов?

— Уже знакомы.

— Николай Кравцов.

— Очень приятно.

— Полковник хочет поговорить.

— А если я не хочу?

Кравцов открыл заднюю дверь.

— Тогда я минут десять буду уговаривать. Потом замёрзну. Вы пожалеете меня и сядете.

Воронцов посмотрел на машину.

— Убедительно.

Глава 4. Дом без вывески

Они ехали недолго. «Волга» свернула с Садового кольца, прошла два двора и остановилась возле старого трёхэтажного здания, зажатого между складом и районной конторой. На фасаде не было ни номера, ни таблички.

Внутри пахло бумагой, пылью и дешёвым табаком.

Перед машиной Воронцов ещё раз оглядел дом. Два выхода во двор, лестничное окно, телефонная будка через дорогу. Он отметил их автоматически и только потом понял, зачем: после истории с дверью ему впервые хотелось знать не только как войти в здание, но и совпадёт ли путь обратно с тем, которым он пришёл.

На вахте сидела женщина в вязаной кофте и читала «Работницу».

— Новенький? — спросила она.

— Гость, — ответил Кравцов.

— Все сначала гости.

На втором этаже Кравцов провёл его мимо дверей с обыч-

ными надписями: «Архив», «Лаборатория», «Канцелярия». Только у последней двери табличка была новой.

«Начальник отдела. Полковник В. С. Громов».

Громов сидел за столом и пил чай из стакана в подстаканнике.

— Вы продолжили расследование, — сказал он вместо приветствия.

— Формально нет.

— Формально вы были в морге и разговаривали с бывшей соседкой жены Соколова.

Воронцов сел без приглашения.

— Хорошо работаете.

— Это наша работа.

— Какая именно?

Громов подвинул к нему папку.

На обложке стоял штамп: «Отдел необъяснимых происшествий».

Холодный воздух немного приводил мысли в порядок. В помещении всё произошедшее быстро превращалось в схемы и показания, а снаружи снова становилось ясно, ради чего они вообще пытаются разобраться. Рядом жили люди, которым невозможно было объяснить угрозу, не объяснив сначала существование самого ОНП.

Воронцов прочитал дважды.

— Шутка?

— Нет.

— И что вы расследуете? Летающие тарелки?

— Если упадёт на территории Москвы и кого-нибудь убьёт, будем расследовать.

Воронцов перевёл взгляд на Кравцова. Тот не улыбался.

— Соколов относится к вашим делам?

— Теперь да.

— Почему?

— Потому что он не должен существовать.

Это было сказано без пафоса, почти устало.

Громов открыл папку.

— В сорок третьем Соколов участвовал в закрытом проекте. Проект завершился аварией. Из двадцати семи человек четверо пропали без вести. Соколов был одним из них.

— В архиве написано «погиб».

— Так было удобнее.

— Что за проект?

— Пока не ваш уровень допуска.

— Тогда зачем я здесь?

Громов впервые отвёл взгляд. Потом достал из ящика стола фотографию.

За окном прошёл автобус, внизу кто-то ругался из-за разгрузки, радио из открытой форточки передавало новости. Воронцов смотрел не на город, а на фотографию отца. Если Громов рассчитывал ошеломить его семейной тайной и тем самым прекратить вопросы, получилось наоборот: теперь у каждого служебного ответа появилась личная цена.

На ней стояли пятеро мужчин возле тяжёлой металлической двери. Снимок был плохим, лица расплывались.

Одного Воронцов узнал сразу.

Отец.

Сергей Воронцов был здесь молодым, лет двадцати пяти. Алексей помнил его старше, но походка, наклон головы, узкие плечи были те же.

Он знал, что личный интерес делает его одновременно полезнее и опаснее для расследования. Другой следователь мог бы отступить раньше; другой следователь, возможно, не видел бы связи там, где Алексей видел её слишком охотно. Приходилось каждый раз проверять не только версию, но и причину, по которой ему хотелось в неё поверить.

— Где это снято?

— В шестьдесят третьем.

— При чём тут мой отец?

— Работал у нас.

Воронцов поднял глаза.

— Он был инженером на заводе.

— По документам.

— Он погиб в аварии.

— По документам.

Воронцов встал.

Стул отъехал и ударился о стену.

— Вы хотите сказать, что двадцать лет мне врал?

Громов выдержал его взгляд.

— Я хочу сказать, что ваш отец исчез при исполнении задания.

— Исчез?

— Тела не нашли.

— Где?

Полковник перевернул фотографию.

На обороте было написано от руки:

«Меридиан. 14.10.63».

— Там же, откуда вчера вернулся Соколов.

Глава 5. Первый протокол

Воронцов не согласился работать с ними.

Он согласился только прочитать материалы.

Так он объяснил себе, почему через двадцать минут сидел в маленькой комнате без окон и листал папку с красной полосой по краю.

Первое дело относилось к 1940 году.

В коммунальной квартире на Сретенке жильцы жаловались на дверь, которая каждую ночь появлялась в стене кухни. За ней находился коридор. Люди пытались измерить его длину. После трёх километров верёвка закончилась.

В первом деле Воронцова зацепила не длина невозможного коридора, а конец записи. Жильцы три недели спорили, существует ли дверь, измеряли проход, ставили метки, а потом она исчезла без следа. Ни объяснения, ни торжественного вывода — только дата последнего появления. ОНП, похо-

же, умел жить с незавершёнными делами лучше, чем он сам.

В 1941-м дверь исчезла.

Второй случай: колодец в деревне под Тулой. Если крикнуть в него имя, через сутки голос из глубины называл дату смерти человека.

После трёх подтверждённых совпадений и двух ошибок колодец залили бетоном. В архиве так и не решили, было ли это аномалией, мошенничеством или совпадением.

Архив сокращал человека до дат и служебных глаголов: родился, переведён, допущен, взыскан, пропал. Воронцов всё чаще смотрел не на сами записи, а на расстояния между ними. Несколько пустых лет на бумаге могли содержать куда больше причин и решений, чем самая подробная официальная строка.

Третий: детский велосипед, найденный на месте разрушенного дома. Трижды его увозили в другой район и трижды находили у прежнего подъезда. На четвёртой проверке он не вернулся. Дело закрыли без вывода.

— Хватит, — сказал Воронцов.

Напротив него сидела молодая женщина в сером свитере. Она вошла пять минут назад и пока не представилась.

Воронцов проверил подписи, номера и даты. Лист проходил все простые проверки; версия подделки становилась всё менее удобной.

— Обычно на третьем деле люди начинают задавать вопросы, — сказала она.

— Я задаю. Кто вы?

— Анна Павловна Лебедева. Физик.

— Здесь?

— А что вас удивляет?

— Название отдела.

— Меня тоже. Я предлагала «Лаборатория аномальных процессов». Громов сказал, что тогда нам дадут в три раза меньше сотрудников и в пять раз больше отчётности.

Она забрала папку.

— Что вы хотите знать?

— Правда ли это?

— Какая часть?

— Любая.

— Да.

— Дверь в стене?

— Зафиксирована двадцатью свидетелями.

— Колодец?

На стол перед Воронцовым положили ещё один лист. В отличие от старых дел он был свежим, отпечатанным на машинке.

— Что это?

— Ваш допуск, — сказал Громов. — Временный. Только по делу Соколова и связанным с ним происшествиям.

Воронцов пробежал глазами пункты.

— Архив без сопровождающего нельзя. Лабораторию без Лебедевой нельзя. Выезд без старшего группы нельзя. О про-

екте шестьдесят третьего мне рассказываете только то, что сами решите.

— Именно.

— Удобный допуск.

— Другого не будет.

— А если я откажусь подписывать?

— Вернётесь в МУР. И при первой же попытке продолжить расследование вас остановят люди, которые объясняют хуже меня.

Воронцов отложил ручку.

— Это угроза?

— Это описание процедуры.

Громов подвинул лист ближе.

— И ещё одно. Вы не обязаны верить ни мне, ни Лебедевой, ни архиву. Проверяйте. Но если на объекте Кравцов говорит отойти, вы отходите. Если Лебедева говорит не трогать вещь, вы её не трогаете. Спорить будете потом.

— Почему?

— Потому что у нас уже были сотрудники, которым хотелось сначала убедиться лично.

— И?

Громов посмотрел на него.

— Поэтому это правило теперь записано.

Воронцов подписал. Не из доверия. Из желания получить доступ к тому, что от него скрывали двадцать лет.

Громов забрал лист и поставил дату.

— Ваш допуск закончится вместе с делом.

— Посмотрим.

— Нет, капитан. Именно закончится.

В тот момент оба считали, что говорят о бумаге.

Когда Громов вышел, Анна вернулась к колодцу, на котором их разговор оборвался.

— Две даты оказались ошибочными.

В папке шестьдесят третьего не хватало не только страниц. Между приказом о выезде и итоговой строкой «пропал» отсутствовали почти четыре часа протокола. Алексей выписал номера соседних листов: разрыв был слишком аккуратным, чтобы считать его случайной потерей. Кто-то когда-то решил, что именно эти часы не должны пережить архив.

— Вот.

— Остальные одиннадцать совпали.

Воронцов помолчал.

— Вы верите в мистику?

— Нет.

— А в это?

— Я верю измерительным приборам.

Она раскрыла другую папку.

— Соколов умер вчера. Это факт. Его документы выданы в 1943 году. Тоже факт. Между этими фактами отсутствует механизм. Не надо заполнять пустоту духами, богами и сказками. Надо найти механизм.

— Удобно.

— Наоборот. Мистика удобнее. Ею можно объяснить всё. Воронцов вдруг понял, почему Громов позвал именно её. Она говорила на его языке.

— Отец тоже этим занимался?

Анна перестала листать бумаги.

— Я не знала вашего отца.

— Но читали дело.

— Только техническую часть.

— Что случилось в шестьдесят третьем?

Она посмотрела на дверь.

— Это вам должен рассказать Громов.

— Все здесь так отвечают?

— Когда боятся ошибиться, да.

Это был первый ответ за двое суток, который Воронцов счёл честным.

Он вернулся к документу. Всё служебное в нём было безупречно: форма, подписи, регистрационные отметки. Именно поэтому содержание тревожило сильнее. Бумага не объясняла случившееся — она свидетельствовала, что странность достаточно давно существовала, чтобы получить номер, исполнителя и место в архиве.

Глава 6. Анна

В лаборатории стояли приборы из разных эпох. Новые осциллографы соседствовали с довоенными амперметрами,

стеклянными колбами и странной конструкцией из медной проволоки, похожей на клетку для очень маленького зверя.

На столе лежали вещи Соколова.

Анна надела перчатки.

— Смотрите.

Она включила лампу и подвела к свету его часы.

Стрелки стояли на 3:17.

— Сломаны?

— Нет.

Анна встряхнула часы. Секундная стрелка двинулась, дошла до двенадцати и снова остановилась.

— Завод есть. Механизм исправен. Но каждый раз останавливается в одном положении.

— Магнит?

— Проверяли.

— Что ещё?

Она показала компас. Стрелка рядом с часами дрожала.

— Небольшое поле. Нестабильное.

— Откуда?

— Если бы знала, не звала бы вас смотреть.

Воронцов взял записную книжку Соколова. Большинство страниц размокло. На одной сохранилось несколько строк:

«Третий день. Они говорят, что наверху ноябрь. Не верю. Света нет. Зорин уверен, что выход существует».

Из коридора доносились телефоны и шаги. Анна не отвлекалась: разложила вещи Соколова в том порядке, в каком их

изъяли, и каждую отметила отдельным номером. Воронцов заметил, что её спокойствие строится не на бесстрашии, а на процедуре. Она не делала вид, будто происходящее нормально; она просто не позволяла ему менять метод работы.

Следующая запись:

«Петров пропал после звонка».

Ещё ниже:

«Не смотреть в окно после 3:17».

На самом краю страницы, почти смытое водой, сохранилось ещё одно слово: «Опоздали». Почерк был тот же.

— Что за окно? — спросил Воронцов.

— Не знаю.

— Зорин?

Анна подняла глаза.

— Академик Михаил Аркадьевич Зорин.

— Жив?

— Да.

— Участник проекта?

— Один из руководителей.

— Почему мы ещё не у него?

— Потому что он академик, лауреат и человек, которому нельзя прийти домой и спросить: «Не теряли ли вы покойника сорок лет назад?»

— Можно спросить вежливо.

Анна улыбнулась впервые.

— Теперь понимаю, почему вас сюда привели.

Она перевернула часы.

На задней крышке кто-то нацарапал одно слово:
«ДВЕРЬ».

Глава 7. Дело №17

Архив ОНП занимал подвал и половину первого этажа. Там было прохладнее, чем на улице. Стеллажи уходили в глубину, лампы включались отдельными участками.

Семён Маркович Розенфельд встретил Воронцова за столом, заваленным карточками.

Для Розенфельда каждая старая папка имела биографию. Он знал, кто её заводил, что из неё изымали и когда менялась нумерация. Такая педантичность раздражала только до первого несовпадения. В делах ОНП одна ошибочная дата могла превратить реальный след в легенду или наоборот.

— Не трогайте ничего без спроса.

— Я ещё ничего не трогал.

— Это профилактическое замечание.

Ему было под семьдесят, но двигался он быстро. Очки висели на шнурке, карандаш торчал за ухом.

— Мне нужно дело «Меридиан».

Розенфельд посмотрел поверх очков.

— Всем что-нибудь нужно. Государству нужен порядок. Учёным финансирование. Молодым людям ответы. Обычно никто не получает желаемого.

— Полковник разрешил.

— Тогда вам повезло больше, чем государству.

Папка оказалась удивительно тонкой.

Внутри лежали копии приказов, схемы тоннелей, списки персонала. Большинство страниц имело пропуски.

Воронцов прошёл вдоль платформы, измерил расстояние до служебной двери и проверил линию обзора машиниста. Если Белых говорил правду, поезд должен был видеть платформу несколько секунд; если лгал — ошибиться хотя бы в одной геометрической детали. Аномалия могла нарушать физику, но свидетель всё равно оставался свидетелем.

— Где остальное?

— Изъято.

— Кем?

— Если бы я знал, написал бы фамилию.

В списке участников Воронцов нашёл Соколова и Зорина. Имени отца не было.

— А шестьдесят третий?

Розенфельд принёс другую папку.

«Дело №17. Повторное проявление».

На первой странице значилось: «14 октября 1963 года зафиксирована спонтанная активация зоны».

Разговор не закончился вместе с последней фразой. Несколько секунд все молчали, и именно в этом молчании становилось видно отношение к решению. Воронцов давно научился различать согласие, дисциплину и намерение спорить позже. Он отметил реакцию каждого, не задавая лиш-

них вопросов.

Дальше шёл список оперативной группы.

Громов Виктор Сергеевич.

Воронцов Сергей Алексеевич.

Ещё трое.

Из пяти вернулись четверо.

Напротив фамилии отца стояло: «пропал».

Розенфельд показал Воронцову карточную систему, которой отдел пользовался задолго до появления нынешних классификаций. На каждой карточке было только место, дата, число свидетелей и короткая пометка о том, что удалось подтвердить независимо.

— Почему без объяснений? — спросил Воронцов.

— Потому что объяснения стареют быстрее фактов.

Он вытащил карточку 1951 года. Рабочий вошёл в подвальное помещение в полдень и вышел через двадцать семь минут. Для его часов прошло пять суток. В карточке не было слова «время». Только показания свидетелей у входа, состояние рабочего, щетина, обезвоживание и часы.

Чужая утрата постепенно становилась одним из механизмов дела. Люди слышали тех, кого хотели услышать, видели тех, кого не успели спасти, и принимали желание за доказательство. Воронцов понимал это всё лучше — и тем меньше был уверен, что сам окажется умнее, если зона однажды предложит ему именно то, чего он ждал двадцать лет.

— И что вы решили?

— Ничего. Дело закрыли после того, как помещение залили бетоном.

— Очень научно.

— Очень безопасно.

Розенфельд поставил карточку 1951 года обратно строго на своё место. Опыт ОНП состоял не в ответах: отдел накопил достаточно неудачных попыток, чтобы знать, какие вопросы нельзя проверять собственной жизнью.

— Что такое зона? — спросил Алексей.

Розенфельд перестал перебирать карточки.

— Вам лучше спросить Лебедеву.

— Я спрашиваю вас.

Старик вздохнул.

— Место, где правила становятся временными.

— Какие правила?

— Любые.

— Очень научно.

— Я архивист, а не физик. Моё дело знать, где лежит бумага, объясняющая, почему человек вышел из комнаты на двадцать лет позже, чем вошёл.

Воронцов медленно поднял голову.

— Было такое?

Розенфельд посмотрел на него.

— Теперь уже дважды.

Глава 8. Ночная платформа

Свидетель нашёлся вечером.

Машинист Сергей Белых работал на линии двенадцать лет и утверждал, что три ночи назад видел между станциями платформу.

— Не техническую? — спросил Воронцов.

— Я знаю технические.

— Свет?

— Горел.

— Люди?

Белых потер ладонью щеку.

— Были.

— Сколько?

— Не знаю. Стояли далеко.

— Как были одеты?

— Не заметил.

Он врал.

Воронцов подался вперёд.

— Сергей Николаевич, вы уже рассказали самое безумное. Хуже не станет.

Машинист помолчал.

— Военная форма. У нескольких. А женщина была в платке. Как на старых фотографиях.

— Поезд остановился?

— Нет. Я проехал.

— Почему не доложили?

— Потому что у меня двое детей и я не хочу, чтобы меня отправили к психиатру.

ОНП выехал после закрытия метро.

Громов разрешил Воронцову ехать только потому, что выезд считался проверкой свидетельских показаний: без входа в аномалию, без контакта с объектом, с Кравцовым старшим группы. После случая шестьдесят третьего самопроизвольного прохода на действующей линии не фиксировали ни разу. Именно поэтому запрет выглядел достаточным — до той минуты, когда стена перестала быть стеной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.